

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ISSN 2222-0747

**PRO NUNC.
СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

2015

№ 2 (15)

Тема номера:

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РАБОТАХ
ТАМБОВСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ**

**PRO NUNC.
СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

**2015
№ 2 (15)**

**Тема номера:
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РАБОТАХ ТАМБОВСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ**

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Д.Г. Сельцер,
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская,
О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, каб. 314.
Тел. редакции: (4752)71-31-12, e-mail: seltser@yandex.ru
На сайте elibrary.ru размещена полнотекстовая версия журнала по договору с РНЭБ (РИНЦ) (договор № 131-05/2011R от 4 мая 2011 г.).

Редактор Д.М. Бегина

Компьютерное макетирование Т.Ю. Шаталова

PRO NUNC. Современные политические процессы. Тамбов, 2015. № 2 (15). 66 с.
ISSN 2222-0747

Подписано в печать 11.12.2015. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 3,84. Тираж 500 экз.
Заказ № 1084. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015
При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на автора и журнал обязательна (СС-ВУ).
Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

**PRO NUNC.
CURRENT
POLITICAL PROCESSES**

**2015
Issue 2 (15)**

**Focus:
REGIONAL POLICY IN WORKS
OF TAMBOV POLITICAL SCIENTISTS**

Founder: Tambov State University named after G. R. Derzhavin
(392000, Tambov, Internatsionalnaya St., 33)

EDITOR-IN-CHIEF D.G. Seltser.
EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: D.S. Zhukov, N.Yu. Zhukovskaya,
O.I. Kovrikova, V.F. Penkov, V.V. Romanov.

Editorial Office: 392000, Tambov, Internatsionalnaya St., 33, office 314.
Tel.: (4752) 71-31-12, e-mail: seltser@yandex.ru
The complete version of the journal is given at web site elibrary.ru according to contract with
Russian Scientific Electronic Library (contract № 131-05/2011R from 4 May, 2011).

Editor D.M. Betina

Layout by T.Yu. Shatalova

PRO NUNC. Current political processes. Tambov, 2015. Issue 2 (15). 66 p.
ISSN 2222-0747

Passed for Printing 11.12.2015. Format 60×84/16. Conventional Printed Sheets 3,84. Number of
Copies 500. Order № 1084.

Publisher's Office: 392000, Tambov, Internatsionalnaya St., 33.
FSBEI HPE «Tambov State University named after G.R. Derzhavin».
Printed in the Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
392008, Tambov, Sovetskaya St., 190r.

© FSBEI HPE «Tambov State University
named after G.R. Derzhavin», 2015
Some rights reserved (CC-BY).

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 *Самородова Н.Н.* Контент-анализ посланий В.В. Путина Федеральному Собранию РФ (2000-2014 гг.)
- 14 *Ерохин Н.А.* Демографический фактор в электоральных процессах
- 21 *Елисеева О.В.* Особенности профессиональной риторики тамбовских политиков
- 28 *Болотова О.А.* Восприятие региональных политиков населением малого российского города: опыт прикладного исследования
- 35 *Смыкова О.А.* Дисбаланс институционального дизайна как залог перманентности муниципальной реформы
- 43 *Сельцер Д.Г., Хабаров И.А.* Динамичная модель трансформации локальных политических элит на этапе перехода власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину
- 55 *Сельцер Д.Г., Хабаров И.А.* Постсоветская трансформация районно-городских политических режимов на этапе перехода власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину
- 64 **Все выпуски «PRO NUNC. Современные политические процессы»**

CONTENTS

- 7 *Samorodova N.N.* Content analysis of V.V. Putin's message to the Federal Assembly of RF (2000-2014)
- 14 *Erokhin N.A.* Demographic factor in the election processes
- 21 *Eliseeva O.V.* The political rhetoric of the tambov politicians
- 28 *Bolotova O.A.* Perception of the regional politicians by population of a russian town: experience of applied study
- 35 *Smykova O.A.* Imbalance institutional design as a pledge of permanence of the municipal reform
- 43 *Seltser D.G., Khabarov I.A.* Dynamic model of transformation of the local policy elite at the stage of power transition from B.N. Eltsin to V.V. Putin
- 55 *Seltser D.G., Khabarov I.A.* Postsoviet transformation of city district political regimes at the stage of power transition from B.N. Eltsin to V.V. Putin

- 64 **All issues of «PRO NUNC. Current political processes»**

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОСЛАНИЙ В.В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ (2000-2014 гг.)

САМОРОДОВА Наталья Николаевна

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, магистрант 1-го курса
направления подготовки «Политология»,
e-mail: Samorodowa.n@yandex.ru

В статье представлены результаты контент- и лингвистического анализа текстов посланий Президента Федеральному Собранию РФ. Выявлены ключевые языковые единицы и политические концепты. Изучен механизм влияния посланий на формирование политического дискурса и определены их место и роль в формировании политической повестки дня.

Ключевые слова: президент, послания, дискурс, концепт, власть.

После вступления в должность Президента РФ (2000 г.) В.В. Путин продолжил практику президентских посланий. В Послании 2000 г. доминирует тезис, что «без укрепления государства нельзя решить ни одну общенациональную задачу» [1: 47]. Лейтмотив послания – укрепление государства, построение вертикали власти как важнейшего условия очередного этапа государственной модернизации. При этом главная задача – остановить процессы дезинтеграции и, напротив, сохранить целостность Федерации. Частота употребления фразы «укрепление власти» равнялось 17, «вертикаль» – 21, «администрирование» – 26, «Федерация» – 35 (табл. 1).

Таблица 1

**Количественная характеристика проблем внутренней политики России
в посланиях В.В. Путина ФС РФ (2000 г.)**

Единица счета	2000 г.
Укрепление	17
Порядок	15
Вертикаль	21
Местное самоуправление	7
Администрирование / функционирование / властные институты	26
Исполнительная власть	10
Федерация	35

В Послании 2001 г. доминирует проблема политического реформирования, построения четко работающей вертикали исполнительной власти, запуска действенного механизма реализации государственных решений. В сфере экономики президент констатирует, что «модернизация структуры экономики не идет, консервируется и даже усиливается ее сырьевая направленность» [2: 387].

В 2002 г. В.В. Путин подчеркивает необходимость модернизации системы исполнительной власти, судебной-правовой системы, здравоохранения, экономики: «Структура исполнительной власти должна быть логично и рационально устроена, а госаппарат должен стать работающим инструментом реализации экономической политики» [3].

В Послании 2003 г. на фоне системного укрепления государственной власти президент уделяет существенное внимание необходимости модернизации Вооруженных сил РФ [4]. Наглядно это показано на рисунке 1.

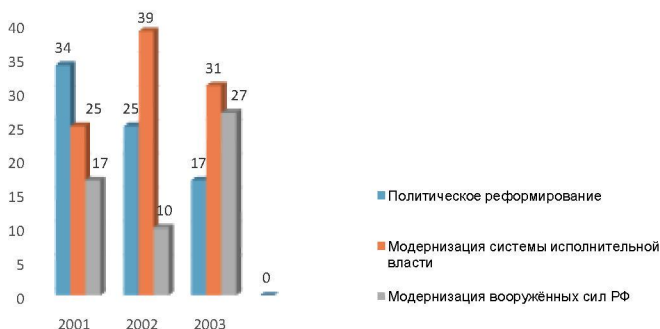

Рис. 1. Частота доминирующих концептов в посланиях В.В. Путина ФС РФ (2001-2003 гг.)

Послание 2004 г. – предвыборное, а значит, в большей степени, чем предыдущее, социально ориентированное. Оттого оно содержит множество мини-посланий представителям различных социальных групп. Подводя итоги первого срока своего пребывания в должности президента, В.В. Путин отмечает что «до сих пор России не удалось догнать саму себя образца 1989 г. При

этом нельзя забывать, что 1989 г. в развитии бывшего СССР был далеко не лучшим» [5].

В 2005 г. оглашен ряд важных решений, направленных на удержание власти: определен новый порядок наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов Федерации, приняты конкретные меры по укреплению государства и вертикали исполнительной власти.

В содержании Послания 2006 г. начинает доминировать проблема модернизации и инноваций. Речь идет о необходимости изменения приоритетных секторов промышленности, армии, научных отраслей, мощностей по производству космической техники и развитию наземной инфраструктуры. «Россия может стать и одним из лидеров в нанотехнологиях. Это одно из самых перспективных направлений и путей развития энергосбережения, элементной базы, медицины, робототехники», – заявил В.В. Путин [6].

Несмотря на то, что Послание 2007 г. было ориентировано на предстоящие выборы и обеспечение преемственности власти, модернизация всех сфер общественной жизни – Вооруженных сил и правоохранительных органов, высокотехнологичных промышленных производств, электро- и гидроэнергетики, авиастроения, водоканалов, науки и образования – также заняла большое место (рис. 2).

Рис. 2. Частота употребления дефиниции «модернизация» в посланиях В.В. Путина ФС РФ (2005-2007 гг.)

В период 2000-2005 гг. важнейшей в обсуждении являлась социально-экономическая тема. К 2005 г. частотность упоминания проблемы увеличилась с 79 раз до 152, но уже в 2014 г. она достигла 195. Это можно объяснить тем, что в начале 2000-х гг. политика была направлена на укрепление вертикали власти, реформирование административно-управленческого комплекса. К 2014 г. социально-экономические проблемы не могут не занимать важное место в связи с тем, что они затрагивают личные интересы населения. Финансовый кризис также влияет на такое положение дел (табл. 2).

Таблица 2

**Общее количество упоминаний тем в текстах посланий
В.В. Путина ФС РФ (2000-2014 гг.)**

Проблематика/ год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2012	2013	2014
Социально-экономические проблемы	79	65	122	195	230	152	110	82	186	188	195
Экономические проблемы	4	19	96	112	85	103	134	109	117	139	146
Внутренняя политика	67	32	68	93	89	120	141	195	121	269	285
Внешняя политика	146	132	135	145	159	183	199	184	165	284	201
Терроризм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Тексты посланий В.В. Путина в той части, где речь идет о кризисной ситуации в стране и причинах неудач преобразований, сначала выстраиваются в той же тональности и интонации, что и послания предшественника. В 2000 г. Путин отмечает, что «холодная война осталась в прошлом, но и по сей день приходится преодолевать ее тяжелые последствия» [1: 36], т.е. по-прежнему ищет истоки происходящего в советском прошлом. Однако уже в 2001 г. В.В. Путин штрихами набрасывает образ внешнего врага: «Россия столкнулась с системным вызовом государственному суверенитету и территориальной целостности, оказалась лицом к лицу с силами, стремящимися к геополитиче-

ской перестройке мира» [2: 369]. Далее возрастает интенсивность высказываний в адрес недоброжелателей, постепенно появляется более жесткая риторика. Президент отмечает проблемы и внутри, и за пределами страны: «Дело в самой системе работы и законодательных, и исполнительных органов власти. Сейчас она устроена так, что тормозит, а во многих случаях просто останавливает преобразования» [7].

В Послании 2002 г. президент обращается к другой проблеме: «Довольно долго многие политики и граждане страны были уверены или жили иллюзиями, что окончание периода военно-политической конфронтации в мире чуть ли не автоматически откроет России путь в мировую экономическую систему, что мир распахнет нам свои «экономические объятия». <...> Нормой в международном сообществе, современном мире является и жесткая конкуренция – за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние. <...> В период слабости – нашей слабости – многие ниши на мировом рынке нам пришлось уступить. И они тут же были захвачены другими. Их никто так просто возвращать не хочет и не отдаст» [3]. Фрагменты послания красноречиво свидетельствуют, что друзей нет, союзников надо еще найти, а враги – кругом. Хотя пока это всего лишь абстрактный враг, конкурент, оппонент. Сначала речь идет о конкуренции в экономической сфере. Однако вскоре очертания приобретают и политическую окраску. «Вокруг нас – страны с высокоразвитой экономикой. Надо прямо сказать: они оттесняют там, где могут, Россию с перспективных мировых рынков. А их видимые экономические преимущества дают повод для роста геополитических амбиций» [7: 75].

В посланиях 2013, 2014 гг., в отличие от предыдущих, образ внешнего врага проявляется конкретнее. Это США, страны Западной Европы и Украина. Происходит это по причинам, связанным с революцией на Украине и боевыми действиями на ее восточной территории. В связи с этим возрастает число употребления таких слов, как «национальные интересы», «национальная безопасность», «сила», «угроза», «опасность», «благополучие», «война», «кризис» (рис. 3).

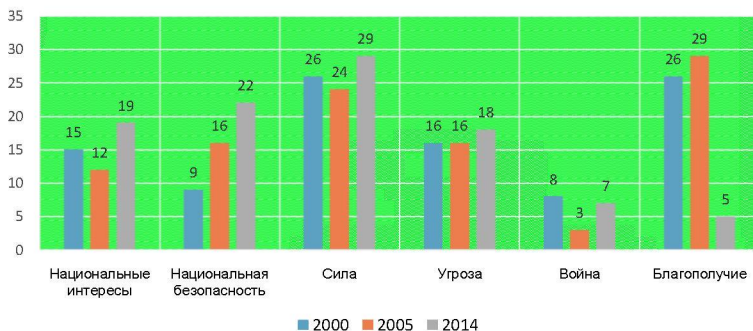

Рис. 3. Частота употребления дефиниции «кризисная ситуация» в Посланиях В.В. Путина ФС РФ (2000, 2005, 2014 гг.)

Таким образом, контент-анализ подтвердил, что послания Президента Федеральному Собранию РФ являются текстами стратегического значения и содержат понимание и оценку главы государства ситуации в стране. Послания В.В. Путина существенно отличаются от посланий предшественника. Лейтмотив документа выявляется намного проще, президент говорит конкретнее, убедительнее, не увлекается философией и теорией вопросов государственного реформирования, строительства и управления. Не отвлекается он и на «мелкие темы». В связи с этим и уровень суггестивности его текстов и выступлений много выше, чем у предшественника, а далее – и у преемника. Главным в послании становится определенная политическая идея, обоснование того или иного этапа действий в процессе реформ. Стиль президента оценивается как жесткий до грубости, логичный до непререкаемости. В то же время послания полны информации, информационных поводов, политических инициатив и импровизаций на грани фола.

Основная проблематика посланий В.В. Путина базируется на темах социально-экономического характера, внешней и внутренней политики, терроризма. Темам протестов внутри общества внимание практически не удаляется, за исключением 2010-2011 гг., социально-экономическим темам уделяется много места, особенно – в период экономических и финансовых кризисов.

Доминирующей речевой тактикой являются указания на пути решения проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию, 8 июля 2000 г. // Вся политика: хрестоматия / сост.: В.Д. Нечаев, А.В. Филиппов. М.: Европа, 2006.
2. Не будет ни революций, ни контрреволюций: Послание Президента РФ В.В. Путина ФС РФ, 3 апреля 2001 г. // Ежегодные послания Президента РФ Федеральному собранию, 1994-2005 гг. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2006.
3. Послание Президента РФ В.В. Путина ФС РФ, 18 апреля 2002 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36351/page/3>
4. Послание Президента РФ В.В. Путина ФС РФ, 16 мая 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36352>
5. Послание Президента РФ В.В. Путина ФС РФ, 26 мая 2004 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/05/71501.shtml>
6. Послание Президента РФ В.В. Путина ФС РФ, 10 мая 2006 г. // Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008. С. 85-132.
7. Колесников А. Спичрайтеры: хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М.: АСТ, 2007.

CONTENT ANALYSIS OF V.V. PUTIN'S MESSAGE TO THE FEDERAL ASSEMBLY OF RF (2000-2014)

Samorodova Natalya Nikolaevna, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, First-Year Candidate for a Master's Degree Studying «Political Science», e-mail: Samorodowa.n@yandex.ru

The article includes the results of content and linguistic analysis of President's messages to the Federal Assembly of RF. It considers key linguistic units and political concepts. Influence of messages on their political discourse is studied, and their place and role in formation of the political agenda are defined.

Key words: President, message, discourse, concept, power.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

ЕРОХИН Никита Алексеевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, аспирант 1-го курса специальности 23.00.02 –
Политические институты, процессы и технологии,
e-mail: n.ero.tmb@gmail.com

В статье рассматриваются общие проблемы влияния демографических факторов на электоральные процессы. Анализируется электоральное поведение. Рассматриваются гендерные и возрастные различия электоральных предпочтений. Особое внимание уделяется проблеме абсентеизма.

Ключевые слова: избирательные процессы, половозрастная структура, абсентеизм, модели абсентеизма, избирательное право, электоральные предпочтения, протестное поведение, демографические волны.

Постановка научной проблемы

Сфера научного изучения демографии и политологии пересекаются между собой, что стало одной из причин возникновения новой науки – политической демографии. Она признается специалистами как прикладная и смежная отрасль в системе демографических наук [1: 86].

Классическое определение границ предметного поля политической демографии как совокупности социально-политических последствий демографических процессов внутри страны и во всем мире дал А.Я. Кваша [2: 153]. К одной из проблем предметного поля политической демографии он отнес влияние половозрастной структуры на электоральные процессы [3: 27].

Целью статьи является анализ особенностей электорального поведения в различных гендерных и возрастных группах.

Гендерные различия электорального поведения

Гендерные отличия восприятия разнообразных политических процессов, в частности – избирательных, помимо политической культуры, обусловлены различными психологическими, физиологическими и социальными отличиями между мужчина-

ми и женщинами. Обычно они классифицируются по трем основным параметрам: когнитивному, эмоциональному и поведенческому [4: 248].

Когнитивный параметр характеризуется познавательными процессами психики. То есть он связан с такими психологическими процессами, как память, внимание, чувства, представление информации, логическое мышление, воображение, а также со способностью к принятию решений. В конце прошлого века была выдвинута модель изучения гендерных различий, основанная на специфике когнитивных процессов, использующихся для решения каких-либо задач. Модель показала, что мужчины и женщины при их выполнении применяют разные стратегии. Так, например, при вождении машины мужчины более эффективно используют визуальные разъяснения и схемы, а женщины – вербальные. Кроме того, авторы модели пришли к выводу, что мужчины лучше удерживают объемную информацию и манипулируют ею в уме, тогда как женщины быстрее извлекают информацию из памяти.

Если исходить из определения тактики избирательной кампании как оптимального распределения имеющихся ресурсов между мероприятиями кампании [5: 181], то модель может быть применена к сфере избирательных технологий для целенаправленных посланий на определенные группы. К женщинам лучше будет применена тактика, использующая вербальные и небольшие информационные сообщения, а к мужчинам – визуальные и объемные.

Существуют различия и в эмоциональных компонентах психики мужчин и женщин. Так, по мнению С.Г. Айвазовой, мужчины более критичны в восприятии власти и проявляют склонность к избирательному абсентеизму, если убеждены, что их голос ни на что не повлияет. Женщины же склонны к конформистскому характеру голосования [6: 9]. Как ни странно, уровень абсентеизма в группе женщин не намного ниже, чем у мужчин. Однако причины отказа от голосования разнятся: если у мужчин абсентеизм в основном индифферентный и протестный, то у женщин он конформистский. Стоит также отметить, что женщины более лояльно относятся к институтам власти [7: 226] и политическим лидерам [8: 80].

В общем, пол имеет большое значение в поведении избирателей при голосовании. Эта роль особо прослеживается при голосовании не за партии, а за конкретных лидеров. Так как большинство партий в России имеет ярко выраженный лидерский характер, избирателям более важен лидер как личность, а не программы или лозунги. При рассмотрении личности лидера мужчины и женщины обращают внимание на их различные характеристики и качества. Для мужчин более важна эффективность деятельности лидера и такие характеристики, как рассудительность, сила воли, настойчивость, профессиональные качества лидера. Женщины больше обращают внимание на моральные качества: честность, порядочность, доброта, отношение к семье. Более того, такие качества, как нерешительность, мягкость, медлительность, могут понравиться женщинам, но мужчинам они будут казаться недостойными для политического лидера.

Электоральное поведение в различных возрастных группах

Сегодня в России уже сложилась стабильная возрастная структура населения. На ее формирование влияло множество пертурбационных факторов. Оттого российская возрастная пирамида сильно деформирована. Динамика различных половозрастных процессов имеет волнообразный, нерегулярный характер.

Многие исследователи связывают основную причину сохранения негативной возрастной структуры с демографической волной, т.е. волнообразным изменением числа родившихся людей. Так, снижение рождаемости в 60-х гг. XX в. почти на 1 млн человек обусловлено влиянием Великой Отечественной войны. Подобное снижение рождаемости в 1985-1995 гг. было вызвано «эхом» 1960-х гг. С начала XXI в. начался повтор ситуации роста рождаемости 1968-1980 гг.

Сегодня соотношение трудоспособного и пожилого населения равняется примерно 3 к 1, но, по прогнозам, к 2050 г. снизится до 1,5 к 1, что приведет к повышению нагрузки на бюджет работодателей и самих работников [9]. Таким образом, младшая возрастная группа с середины XXI в. останется прак-

тически неизменной при одновременном увеличении численности старшей группы и снижении доли трудоспособного населения.

По данным ЦИК, в РФ в середине 2015 г. численность избирателей составила чуть менее 110 млн человек [10]. Примерно пятая часть электората – люди пожилого возраста. Влияние этой категории огромно. Пожилые люди являются наиболее мобилизованной частью электората, они всегда голосуют и, как правило, реализуют свое активное избирательное право в первые часы выборов. В отличие от пожилой группы, у молодежи и среднего возраста наблюдается относительно большой уровень избирательного абсентеизма. Данные ВЦИОМ показывают, что наименьший процент абсентеизма – в старших возрастных группах (10 %), тогда как в группе молодежи этот показатель достигает 20 %.

Основная проблема заключается, однако, не только в явке на избирательные участки, но и в большом значении политических предпочтений возрастных групп населения:

- Так, конформистская модель (за «Единую Россию») голосования прослеживается во всех возрастных группах, причем наибольший процент набирается среди молодежи (60 %) и пожилых людей (47 %).

- КПРФ как основная партия системной оппозиции получила малое одобрение молодежи и людей среднего возраста, однако смогла максимально приблизиться к партии власти среди пожилых людей.

- У «Справедливой России» и ЛДПР наблюдается относительно равное количество избирателей в разных возрастных группах (6-9 %). Однако у справедливороссов наибольший процент в группе пожилых людей, а у ЛДПР – в группе 34-45 лет (9 %).

Что касается внесистемной оппозиции, то у них наибольший процент поддержки наблюдается у молодежи, однако он не достаточен для конкуренции с парламентскими партиями.

Если сравнить исследование ВЦИОМ с другим исследованием, проведенным сразу после выборов президента 2012 г. (оно было направлено на выявление электората не партий, а политических лидеров), то результаты будут значительно от-

личаться: молодежь в основном отдавала свои голоса Жириновскому и Прохорову. Наибольшее количество голосов у них в возрасте 18-39 лет. За Зюганова активно голосовали люди 40 лет и старше.

У коммунистов наблюдается значительная поддержка пожилых людей, однако эта возрастная группа принадлежит Путину, и именно они являются самыми активными его сторонниками. Наименьшее количество голосов Путин получил в возрастной группе 40-55 лет.

Такое отличие объясняется персонифицированным характером голосования. Поддержка лидера будет больше, чем партии с ее программами и лозунгами.

Таким образом, российские электоральные предпочтения в различных возрастных группах вписываются в высказывание Бенджамина Дизраэли: «У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы» [11: 702].

Выводы

1. В обеих гендерных группах наблюдается абсентеизм, но у мужчин он принимает протестный или индифферентный характер, а у женщин – конформистский.

2. Уровень абсентеизма высок среди молодежи и людей среднего возраста. Особо высокий уровень в группах 18-24 и 35-44 лет (20 %). Самый низкий уровень отказа от участия в голосовании – в группе пожилых людей.

3. Женщин на 10 млн больше, чем мужчин. Значительную роль играет большая – на 12 лет – продолжительность жизни женщин. Если учесть, что у мужчин ниже избирательная активность, женская часть электората более важна для политических технологий, чем мужская.

4. Женская часть избирателей более подвержена технологиям, делающим упор на эмоции и чувства, что усугубляет и без того чрезмерную, свойственную не устоявшимся политическим системам, роль имиджа политиков. У мужчин наблюдаются завышенные ожидания от профессиональных характеристик личности лидера (из-за чего, по мнению автора, в биогра-

фиях кандидатов очень часто стоит дефиниция «крепкий хозяйственник»).

5. Так как пожилое население является самой активной группой, можно сделать вывод, что будущее РФ определяет консервативное большинство пенсионеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сакаев В.Т. Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности // Власть. 2011. № 7. С. 86-88.
2. Ерохин Н.А. Региональные демографические процессы в политическом изменении // PRO NUNC. Современные политические процессы. № 1(14): Политическое в региональном. Тамбов, 2015. С. 152-165.
3. Демография: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. 320 с.
4. Музыка Е.В. Гендерные различия восприятия власти // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 12. С. 247-249.
5. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. 3-е изд. М.: НП ИД Русская панорама, 2012. 688 с.
6. Айвазова С.Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011-2012 гг. // Женщина в российском обществе. Иваново, 2012. № 3. С. 3-11.
7. Сельцер Д.Г. Трансформация женской политической элиты: из СССР в РФ // Женская повседневность в России в XVIII-XX вв.: мат-лы междунар. науч. конф. 25 сент. 2003 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 219-227.
8. Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. Мы выбираем, нас выбирают... Гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003-2004 годов в России. М.: ОЛИТА, 2004. 90 с.
9. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
10. URL: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/01072015.html>
11. Душенко К.В. Универсальный цитатник политика и журналиста: 6000 цитат о политике, правосудии и журналистике. М.: Эксмо, 2003. 784 с.

DEMOGRAPHIC FACTOR IN THE ELECTION PROCESSES

Erokhin Nikita Alekseevich, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, First-Year Postgraduate Student Studying 23.00.02 «Political Institutions, Processes and Technologies», e-mail: n.ero.tmb@gmail.com

The article considers general problems of influence of demographic factors on election processes. It contains the analysis of electoral behavior, gender and age differences of electoral preferences. Special attention is paid to the problem of absenteeism.

Key words: election processes, sex-age structure, absenteeism, models of absenteeism, electoral law, electoral preferences, protest behavior, demographic waves.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РИТОРИКИ ТАМБОВСКИХ ПОЛИТИКОВ

ЕЛИСЕЕВА Ольга Витальевна

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, магистрант 1-го курса направления подготовки
«Политология»,
e-mail: eliseeva199@yandex.ru

В статье исследуется специфика риторики политических лидеров на территории Тамбовской области путем анализа аудио- и видеоматериалов публичных выступлений первых лиц. В ходе исследования автор обращает внимание на тональность и содержание публичных выступлений региональных политиков, красоту и грамотность публичного дискурса, а также на манипулятивные и риторические приемы, используемые тамбовскими политиками. Автор изучает реакцию аудитории на публичные выступления оратора и проводит сравнительный анализ политического дискурса представителей различных политико-идеологических взглядов. Делается вывод, что дискурс определяет имидж политического деятеля в региональном публичном пространстве и формирует определенный образ в массовом сознании граждан.

Ключевые слова: политическая риторика, публичный дискурс, речевой имидж, ключевые символы, литературные нормы, риторические приемы, риторический оборот, образ, конкурентная среда.

Еще с античных времен риторика играла особую роль для политического лидера. Посредством риторики политические деятели обращались к общественности для того, чтобы расположить к себе и получить поддержку людей. Безусловно, в данном случае политическая речь служит неким способом манипулирования и воздействия на массовое сознание. Слово выступает в качестве главного орудия политического деятеля: побеждает тот политик, который говорит более убедительно и красиво. Кроме того, грамотно построенный политический дискурс определяет имидж политика в публичном пространстве и формирует в массовом сознании определенный образ.

В настоящее время риторика остается одной из наиболее востребованных сфер изучения. Существуют работы, посвящен-

ные изучению политического дискурса современных политиков. Так, например, М.А. Коновалова, Т.В. Анисимова, И.А. Самуйлова, Н.В. Щербакова специализировались на изучении личности политического лидера по текстам его выступлений [1].

Безусловно, большей популярностью изучение политического дискурса пользуется среди лингвистов и филологов. Б.В. Аверин [2], А.И. Зайцев [2], А.Ф. Лосев [3], Ю.В. Откупщиков [4] изучили литературную грамотность и чистоты речи.

Кроме того, немаловажную роль в публичном дискурсе российских политиков занимает изучение манипулятивных приемов. Так, подавляющее большинство авторов – С.Г. Кара-Мурза [5], В.Д. Мордачев [6], Т.С. Мельникова [7], Х. Фексеус [8] – специализировались на рассмотрении манипулятивных технологий и применении НЛП в публичном выступлении.

В настоящее время особую роль играет изучение политического дискурса на региональном уровне. Стоит отметить, что на территории Тамбовской области рассмотрение феномена политической риторики не получило глубокого изучения. Исследования проводились, но носили скорее спорадический характер. Так, А.В. Зимин уделил ключевое внимание изучению языка в период избирательной кампании [9]. С.С. Давыдова изучила степень восприятия предвыборных роликов в массовом сознании тамбовского студенчества [10].

Мы попытаемся детально изучить политический дискурс тамбовских политиков и дать его краткую характеристику. С этой целью нами было проведено авторское исследование, основанное на анализе аудио- и видеоматериала публичных выступлений региональных политиков. Нами было проанализировано несколько десятков видео за 2011-2015 гг. Выборочная совокупность составила наиболее содержательные для нашего анализа материалы (выступления на митингах, праздниках). Объектами изучения стали политики, наиболее часто появляющиеся в публичном пространстве региона (экс-губернатор О.И. Бетин, губернатор А.В. Никитин, бывший сити-менеджер А.Ф. Бобров, депутат Государственной думы Т.В. Плетнева и ряд других).

В ходе исследования мы попытались ответить на несколько вопросов. Как определить красоту и выразительность речи с по-

мощью выявления риторических оборотов и манипулятивных приемов? Соответствует ли риторика литературным нормам? Каким образом изменилась тональность выступлений представителей различных политико-идеологических взглядов (левых, центра, либерал-демократов) за последние четыре года? По каким критериям возможно изучить реакцию аудитории на публичное выступление ратора? Какие образы политического лидера складываются в общественном массовом сознании?

Исследование привело нас к следующим выводам.

Во-первых, для придания выразительности и яркости речи региональные политики прибегают к риторическим приемам. Например, наиболее часто в публичном дискурсе политиками используются следующие приемы: метафора, эпитеты, анафора, олицетворение, лексический повтор, риторическое восклицание, умолчание, пауза, оксюморон, метонимия, ирония и др. Кроме того, представители левого сектора чаще иных политических сил прибегают к фразеологизму, сарказму, иронии и слоганам (например, «вернуть власть советам», «товарищу Сталину – ура», «обить язык»).

Для поддержания своих взглядов политики используют эмоционально окрашенные слова или ключевые символы. Так, например, «семья», «старики», «дети войны», «Советский Союз», «рабочие», – эти слова формируют в массовом сознании положительные ассоциации с советским прошлым. А такие ключевые символы, как «русский народ», «братский народ», «подвиг», «героический город – Тамбов» формируют в сознании чувство ответственности, долга, объединения и патриотизма. Более того, упор в политическом дискурсе на объединение является одним из излюбленных приемов политиков, ибо способствует отвлечению от внутренних проблем.

Во-вторых, наблюдение выявило более открытую и экспрессивную риторику представителей левых политико-идеологических взглядов и более осторожную линию поведения центристов. Это объясняется тем, что представители правящей партии действуют открыто, ибо фактически не видят в оппозиции конкурентов. Если критика в адрес оппонентов и присутствует, то носит скрытый характер (например, через противопоставле-

ния нынешних достижений советскому прошлому или «неактуальности советских идей в современной России»).

В целом, публичный дискурс противостоящих группировок зачастую сводится к взаимным оскорблениям. Центр обвиняет представителей левого сектора в популизме, а позиция левых, в свою очередь, сводится к критике центристов в неэффективной государственной политике.

В-третьих, анализ показал, что к 2015 г. в публичном дискурсе возникают патриотические ноты и интеграция политических сил против «внешнего врага». Вопросы, касающиеся Украины, а также позиции России на международной арене, становятся доминирующими в региональном дискурсе представителей всех политико-идеологических взглядов.

Наблюдения показали, что для поддержания отмеченных идей тамбовские политики в публичном выступлении опираются на манипулятивные приемы. Наиболее часто в речи используются «якорение» (концентрация на проблеме санкций и политической ситуации, сложившейся в Украине); отвлечение («внутренний враг» подменяется на «внешнего»); прием «свой – чужой»; создание угрозы и проблемы; использование эмоционально окрашенных слов («память», «подвиг народа», «братский народ», «испытание», «победа», «объединение», «преступники-бандеровцы», «ядовитая сила фашизма», «война»).

Кроме того, метод включенного наблюдения выявил неоднозначную реакцию аудитории на публичные выступления региональных политиков. С одной стороны, мы можем наблюдать сочувствие и сожаление к проблемам, происходящим в соседней стране. С другой стороны, среди присутствующих наблюдается рост недоверия и напряжения к риторике политиков. Мы можем предположить, что это связано с апатическими настроениями в обществе и разочарованностью в проводимых государством преобразованиях.

В-четвертых, полученные результаты демонстрируют невысокий уровень культуры речи в регионе. С лингвистической точки зрения наблюдается нарушение лексических, орфоэпических, словообразовательных норм. Однако не всегда грамотность является залогом успеха политического деятеля. Как пока-

зывает практика, политический лидер, зачастую не соблюдающий нормы русского языка и отличающийся специфическим говором, в народных массах вызывает гораздо большее доверие и симпатию. По нашим оценкам, народ симпатизирует такому политик «за его приближенную к народу манеру говорить».

В-пятых, авторское исследование показало, что у каждого политика складывается собственный имидж в глазах общественности. Наиболее точно раскрывают образы региональных политиков выборы главы Тамбовской области 2015 г. В качестве примера проанализируем образы наиболее запоминающихся кандидатов.

Лидер предвыборной гонки А.В. Никитин создает образ сильной личности и «крупного хозяйственника». Кроме того, в массовом сознании он воспринимается как «свой кандидат». В риторике он делает упор на развитие, ответственность, перемены, энергию, объединение и результат.

Лидер коммунистов А.И. Жидков привлекает общественность не личной симпатией, а своими последовательными идеологическими взглядами. Безусловно, у него сформировался базовый электорат, поддерживающий его идеи. В глазах общественности он выступает как «борец» с нынешней государственной властью. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что этот кандидат уделяет большое внимание критике существующей власти и заостряет избыточное внимание на советском прошлом.

Либерал-демократ Р.И. Худяков позиционирует себя как честный и справедливый кандидат. В образе Худякова доминирующие качества – молодость и внешность. Кроме того, отмеченный политик создает позитивный образ семьянина (на агитационных плакатах изображен с семьей), что также вызывает поддержку среди определенных групп населения.

Резюмирую:

1. Региональные политики с целью воздействия на массовое сознание опираются на манипулятивные и риторические приемы.
2. Подавляющая часть публичных выступлений не соответствует литературным нормам.
3. В публичном пространстве доминирующую позицию занимает «Партия власти».

4. Как таковой конкурентной среды в публичном пространстве не сформировалось.

5. К 2015 г. в публичном дискурсе формируются патриотические ноты и происходит сближение политических сил в противовес «внешнему врагу».

6. В публичном пространстве у регионального политика складывается собственный имидж и соответствующая данному образу риторика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербакова Н.В. Психолингвистический подход к выявлению когнитивных стилей политических лидеров: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 181 с.
2. Аверин Б.В. Лекции по литературе и другие спецкурсы: аудиокнига. URL: http://betelgejze.ru/audioknigi-uchebnie/2385-boris-averin-lekcii-po-russkoj-literature-i-drugie-speckursy_audiokniga.html
3. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М.: Либроком, 2010. 236 с.
4. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. СПб.: Авалон, 2005. 356 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2000. 298 с.
6. Мордачев В.Д. Манипулирование людьми. Играем на слабостях. М.: Феникс, 2007. 126 с.
7. Мельникова Т.С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. 2010. № 5. С. 48-51.
8. Фексеус Х. Искусство манипуляции. Как не дать себя обмануть. М.: Рипол Классик, 2010. 276 с.
9. Зимин А.В. Речевой имидж политика в избирательной кампании // Культура речи на рубеже XX-XXI вв.: мат-лы заседания Круглого стола / отв. ред. Н.Л. Потанина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 17-28.
10. Давыдова С.С. Политическая реклама на президентских выборах 2012 г. как инструмент политической социализации тамбовского студенчества // PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 11: Российская политика: «первая строка» (сочинения начинающих политологов). Тамбов, 2012. С. 56-63.

THE POLITICAL RHETORIC OF THE TAMBOV POLITICIANS

Eliseeva Olga Vitalievna, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, First-Year Candidate for a Master's Degree Studying «Political Science», e-mail: eliseeva199@yandex.ru

In this paper we investigate the specificity of the rhetoric of political figures in the territory of the Tambov region through the analysis of audio and video materials public speaking. during the study, the author pays attention to the tone and content of public speeches of regional politicians, beauty and literacy of public discourse, and the manipulative and rhetorical devices used in the Tambov politicians in his speech. In addition, the author studies the reaction of the audience at a public performance and tries to make a comparative analysis of the political discourse of the representatives of different political and ideological views. As a result of research, the author comes to the conclusion that political discourse defines further the image of the politician in the regional public space and creates a certain image in the popular consciousness of ordinary citizens.

Key words: political rhetoric, public discourse, manipulative techniques, NLP, speech image, key characters, literary norms, rhetorical devices, emotionally coloured words, the rhetorical turn, the way a competitive environment.

ВОСПРИЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ НАСЕЛЕНИЕМ МАЛОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА: ОПЫТ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

БОЛОТОВА Ольга Александровна

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, магистрант 2-го курса
направления подготовки «Политология»,
e-mail: olkablva@rambler.ru

Изучение восприятия политической власти разных уровней населением вызывает огромный интерес. Его невозможно удовлетворить без учета и системного изучения личностных качеств политических руководителей и побудительных мотивов их действий. Вопрос о восприятии политической власти является одним из важных. На основе этого восприятия российские граждане строят свое политическое поведение, в том числе – электоральное. Усиление авторитарных настроений в восприятии власти, наблюдаемое в настоящее время, становится тревожным симптомом и содержит в себе потенциальную угрозу развитию демократии в России – делает вывод автор статьи.

Ключевые слова: политическое восприятие, политическое сознание, электоральное поведение, политический образ.

История нашей страны с многовековыми традициями авторитаризма подчеркивает особое значение политического актора. Традиционная персонификация в России государства и власти вызывает у граждан равнодушие к политику, его поступкам, его судьбе.

Проблемы восприятия власти являются объектом особого интереса различных наук в силу многоплановости самого феномена. Однако можно констатировать, что в целом каких-либо целостных концепций восприятия власти личностью или социальной группой на сегодняшний день ни в зарубежной, ни в отечественной политологии не существует. Картина восприятия населением представителей региональной и муниципальной власти вызывает неоднозначные реакции общественности, поскольку граждане слабо информированы об их деятельности [1].

Согласно данным ведущих социологических центров, за два последних десятилетия рейтинг обеих палат Федерального Собра-

ния и региональных парламентов остается невысоким, а образ народного избранника вызывает все более скептические оценки [2].

Образы политиков, существующие в массовом сознании, складываются не только под влиянием политических событий, но и под воздействием традиций, национальной политической культуры, архетипов. Электоральный выбор всегда происходит при сопоставлении реальных претендентов на власть с идеальными конструктами или эталонными представлениями об идеальных политиках [3: 81]. Таким образом, оценка политика – есть стереотипные реакции не на него, а на сложившийся образ, который соответствует или не соответствует ожиданиям и ценностным приоритетам реципиентов. Такие оценки могут быть как пристрастными, так и просто ошибочными [4: 66]. Тем не менее, именно из них строится восприятие политиков и поведение целевой аудитории, и поэтому они требуют изучения и осмысления.

Проблема, поставленная в статье, разрабатывалась на материалах Тамбовской области чаще всего в логике исследования власти соответствующими методами политологии и политической социологии [5-12]. Мы же пытались решить ее социологическим методом.

Интересуетесь ли Вы современной политической ситуацией в стране, в регионе, в городе? Как часто Вы проявляете интерес к общественно-политическим событиям в стране? Из каких источников Вы получаете информацию о жизни области? Кто из региональных и муниципальных политиков вызывает у Вас большее доверие? Какие качества Вам нравятся в политиках? Ответы на подобные вопросы были получены в результате авторского исследования восприятия политиков Тамбовской области населением г. Котова.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе методом раздаточного анкетирования было проведено исследование восприятия образов региональных и муниципальных политиков студенческой молодежью г. Котова в возрасте 18-30 лет. На втором этапе методом раздаточного анкетирования было проведено исследование восприятия образов региональных и муниципальных политиков населением в возрасте 30-50, 50 лет и старше. На обоих этапах было опрошено по 100 респондентов.

Мы попытались выяснить особенности восприятия населением малого города региональной и муниципальной власти. В результате были получены следующие ответы.

Во-первых, мы обнаружили, что во внимании населения чаще оказываются нравственные качества политика. Такой интерес к нравственным характеристикам политиков – свидетельство устойчивости этических норм в приложении к политике, несмотря на то, что в реальной жизни это редкость.

Во-вторых, важным параметром в обсуждении образа политика является возраст. Населением было отмечено, что политик должен быть «среднего возраста» или «старше 40 лет».

В-третьих, в образе политика люди выделяли его социальное происхождение. Претендент на властный статус, по мнению респондентов, должен быть «из народа», лучше – «в прошлом военный».

По мнению респондентов, политик должен быть ответственным, добрым, справедливым, отзывчивым, понимающим. Акцентируется внимание на честности и порядочности («не коррупционер»).

В-четвертых, для восприятия политика имеют большое значение личностные и деловые качества. Население хочет видеть в политике человека принципиального, решительного, серьезно. Он должен быть образованным, умным, «рассматривать проблемы с разного ракурса». Респонденты считают, что политический лидер должен «любить свой город», «быть патриотом своей страны». Кроме того, политик «должен обладать такими качествами, как жесткость, твердость, решительность», «политический лидер должен быть уверенным в себе, целеустремленным, серьезным», «политик должен быть пунктуальным, бескомпромиссным, жестким».

Взаимоотношения политика с населением должны носить открытый характер. Как считают опрошенные, политик должен быть доступным, больше работать с людьми, знать о насущных проблемах города и решать их: «Политик – это тот, кто учитывает интересы граждан, делает все во благо народа».

Среди вербализированных оценок практически отсутствовали персональные качества идеального политика (за исключе-

нием некоторых упоминаний о «доверительной внешности», «спортивном телосложении», «современности»).

Примечателен тот факт, что никто из респондентов не упомянул про идеологию. Большинство оценок в этом смысле свелись лишь к словам «патриот», «любовь к стране». Идеологическое пространство не детализировалось.

Таким образом, политик в сознании населения г. Котовска – это, в первую очередь, мужчина с твердыми нравственными характеристиками, честный и порядочный, для него характерны принципиальность, решительность, серьезность, жесткость, он должен тесно взаимодействовать с населением и знать обо всех проблемах региона. Для политического сознания населения близок образ сильного, волевого лидера.

Исследование показало, что у жителей г. Котовска существует запрос на политика с высокими нравственными качествами, где доминирующими являются честность и ответственность.

Муниципальная власть воспринимается как арена, где реализуются интересы отдельных политических субъектов. В ходе нашего исследования мы выяснили и узнаваемость образов представленных политиков муниципальной власти г. Котовска. Узнаваемость образа становится сейчас необходимым компонентом успешной политической карьеры. Результаты опроса показали, что 73 % населения знают первых лиц города, 6 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос, 11 % вообще не стали отвечать.

Степень доверия населения к органам местной власти обусловливается эффективностью деятельности органов управления и, прежде всего, степенью удовлетворенности населения этой деятельностью.

Восприятие политиков муниципальной власти большинством респондентов оценивается удовлетворительно. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о безразличном отношении людей к власти. Можно констатировать, что фон, на котором воспринимается муниципальная власть, далек от благоприятного.

Респондентам было предложено дать самостоятельную характеристику представителям муниципальной власти. Были по-

лучены следующие ответы: «депутат должен работать лишь в интересах народа и представлять его интересы на более высоком уровне», «депутат не должен думать только о себе, а в первую очередь обязан думать о тех людях, которые в него поверили и оказывают доверие», «депутат должен быть отзывчивым, добрым и понимающим», «главное качество для депутата любого уровня – это патриотизм, быть патриотом своей страны. Будет так, не будет ни вилл для себя любимого, ни воровства, ни всего остального».

Таким образом, респонденты хотят видеть, в первую очередь, лидера-«служителя», стремящегося выступать в роли выразителя интересов народа, ориентирующегося на его мнение и действующего от их имени: «чиновник с древнейших времен, может быть плохой или хороший, но всегда он – оратор. Депутат должен быть, в первую очередь, порядочным, честным, высоконравственным человеком, ведь ему предстоит принимать законы, работать для улучшения жизни людей, которые ему доверили это право». Исследование показало, что существует запрос на политика с высокими нравственными качествами, где доминирующими являются честность и ответственность.

Восприятие муниципальной власти населением г. Котовска определяется как российскими политико-культурными традициями, так и республиканскими и местными реалиями.

Население воспринимает политику как сферу, где реализуются интересы отдельных политических субъектов. Препятствует восприятию политических реалий низкий уровень информированности граждан относительно политических процессов города, области, страны.

Восприятие образов политиков разных уровней власти зачастую различно в одной и той же выборке. Представители региональной власти, в отличие от федеральной, оцениваются менее положительно, но, вместе с тем, характеризуются большей близостью к народу. Политики муниципального уровня, по оценкам населения, представляются частью государственной власти. Все ее характеристики граждане экстраполируют на власть муниципальную. И далеко не всегда эти характеристики носят позитивный характер.

Политическое восприятие является специфическим видом социального восприятия, зависит от установок, стереотипов и норм, сложившихся в массовом сознании. Политическое сознание избирательно, и такая избирательность формируется в процессе политической социализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимин А.В., Родионова В.В. Проблема восприятия студенческой молодежью депутатского корпуса Тамбовской городской думы V созыва: гендерный аспект // XVIII Державинские чтения. Институт гуманитарного и социального образования: материалы Общерос. науч. конф., февраль 2013 г. / отв. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов, 2013. С. 185-188.
2. Левада-Центр. URL: <http://www.lewada.ru/> (дата обращения: 03.09.2014 г.).
3. Пищева Т.Н., Шелекасова Н.П. Образ идеального политического лидера в массовом сознании // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2004. № 4.
4. Климова С.Г., Якушева Т.В. Образы политиков в представлениях россиян // Полис. 2000. № 6.
5. Сельцер Д.Г. Субрегиональная номенклатура КПСС после распада СССР (1991-2005) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 2. С. 49-63.
6. Seltser D. Who governs? The transformation of sub-regional political regimes in Russia (1991-2009) // Russian Analytical Digest. 2009. № 67. P. 5-9.
7. Володин К.С., Сельцер Д.Г. Кто управляет? Классики элитологии о властвующих элитах городских общностей // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 9 (89). С. 234-238.
8. Сельцер Д.Г. Прорабы и конструкции: локальные элиты и муниципальная власть в России // PRO NUNC. Современные политические процессы. № 1 (13): Вновь об элитах. Тамбов, 2014. С. 163-176.
9. Ledyayev V., Chirickova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power (Routledge (USA): Taylor & Francis Group). 2014. Vol. 7. № 2. P. 211-231.
10. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных

- акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88-105.
11. Сельцер Д.Г. Малые города современной России: трансформация локальных элит // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 187. С. 89-99.
 12. Чирикова А.Е., Ледаев В.Г., Сельцер Д.Г. Коалиции исполнительной и представительной власти в малых городах России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Политические науки и право. Тамбов, 2015. Вып. 2. С. 5-15.

PERCEPTION OF THE REGIONAL POLITICIANS BY POPULATION OF A RUSSIAN TOWN: EXPERIENCE OF APPLIED STUDY

Bolotova Olga Aleksandrovna, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, Second-Year Candidate for a Master's Degree Studying «Political Science», e-mail: olkabltva@rambler.ru

Study of perception of political power by different levels of population arouses a great interest. It is impossible to satisfy this interest excluding the system study of personal qualities of political leaders and impulsive cause of their actions. The problem of perception of political power is one of the most important. It lies at the root of political and electoral behavior of Russian citizens. The author believes that enhancement of authoritarian moods in power perception becomes a disturbing symptom and carries a potential threat to democratic development in Russia.

Key words: political perception, political consciousness, electoral behavior, political image.

ДИСБАЛАНС ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА КАК ЗАЛОГ ПЕРМАНЕНТНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

СМЫКОВА Ольга Александровна

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, магистрант 1-го курса
направления подготовки «Политология»,
e-mail: olga.smykova.2013@mail.ru

В статье дается анализ причины непрекращающейся реформы местного самоуправления в РФ с точки зрения неоинституционализма. Автор опирается в рассуждениях на фактический материал, полученный в ходе исследования состояния местного самоуправления и муниципальной власти в Сосновском районе Тамбовской области.

Ключевые слова: реформа МСУ, институциональный дизайн, неоинституционализм, формальные и неформальные институты.

Последние два десятилетия в истории местного самоуправления можно охарактеризовать как своего рода эстафету: конец одного этапа преобразований дает начало новой реформе. В литературе проблема обсуждается, ищутся причины феномена. Выдвигаются теоретико-абстрактные доводы (например, вроде того, что местное самоуправление не соответствует политической культуре россиян), предлагается практическая аргументация (отсутствие достаточной финансовой базы – главный дестабилизирующий фактор МСУ).

Тема реформы местного самоуправления является, так или иначе, востребованной [1-6]. Обычно в фокусе внимания находятся последствия преобразований, основы возможных неудач и т.п. Наиболее востребованным в данном случае остается правовой подход, где главный акцент делается на принципы нормотворчества, содержание изменений – «формальные перспективы» новых законопроектов и поправок к ним. Одновременно вопрос об истинных причинах непрекращающихся «трансформаций» остается открытым.

Давайте обратим внимание на сущность реформ: все модификации, так или иначе, предполагают институциональные изменения. Здесь следует обратиться к понятию «институциональный дизайн» как переходному механизму между абстрактными структурами и индивидуальным поведением (Дж. Коулмен). В данном случае мы прибегаем к взглядам неoinституционалистов. Неoinституционализм основывается на том, что: 1) институты конструируют «правила политической игры»; 2) институты есть продукт истории; 3) деятельность институтов детерминирована социальным контекстом, где они функционируют. При этом в качестве институтов здесь рассматриваются общепринятые нормы, ценности, поведение, отношения между политическими акторами. Использование идей неoinституционализма вызвано сложностью изучаемого явления и невозможностью его исследования вне взаимосвязи макро- и микроуровней политической системы.

Институциональный дизайн включает в себя как нормативно-правовую, структурную сторону муниципальной власти, так и ценностно-практические реалии. Первый элемент определяется как формальные институты: конституции, уставы, ими детерминированные структуры. Их существование возможно благодаря сознательной воле государства, которая чаще всего проявляется в законотворчестве и контроле соблюдения правил и норм. Второй элемент есть неформальные институты, такие как ценности, традиции, отношения между акторами. Возникновением они обязаны спонтанным взаимодействиям. В то время как формальные институты обычно имеют общепринятый характер (например, основы организации местного самоуправления на территории РФ едины с возможностью некоторых вариаций [7, 8]), неформальные – характеризуются «партикулярностью» (например, различие в функционировании МСУ в разных муниципалитетах).

Реформа МСУ обычно затрагивает организационный элемент институционального дизайна: меняется порядок формирования муниципальных органов власти, количество полномочий ОМСУ и т.п. Кулуарные практики взаимодействия, а также восприятие МСУ, продолжают часто пребывать в «состоянии константы». С одной стороны, данный факт выступает в качестве

стабилизатора, позволяя уменьшить неопределенность в период неустойчивости. С другой – затяжной характер преобладания неформальных практик над формальными обуславливает образование состояния застоя, что и выступает одной из причин преобразований (номинальность муниципальных структур достигает критической точки). Более того, в подобном случае «реформы» проводить легче всего, ибо они остаются практически незамеченными населением. Г. Хельмке и С. Левитски, выделившие четыре возможные формы взаимодействия формальных и неформальных институтов, связывали неэффективность с конкурентным типом связи, борьбой между официальными и неофициальными сторонами институционального дизайна [9]. Следовательно, для нормального функционирования муниципальной власти необходимо достигнуть сбалансированного состояния между двумя элементами (официальными структурами и нормами; реальными «правилами игры») институционального дизайна.

В данной статье мы попытаемся проанализировать уровень дисбаланса в институциональном дизайне Сосновского района и на его примере оценить возможность продолжения преобразований. Какие-то сюжеты заявленной темы изучались ранее [10-15]. Мы представим наш взгляд, основанный на наших наблюдениях 2013-2015 гг., когда с целью изучения МСУ мы провели несколько социологических, политологических исследований в Сосновском районе. Первоначально внимание было сконцентрировано на реальной практике муниципальных выборов, такой как установление контакта населения с органами местного самоуправления (ОМСУ) (заметим, что последняя реформа (как и предыдущие) ставила своей целью «приближение власти к народу» [16]). Проведенное исследование (контент-анализ муниципальной прессы, наблюдение) позволило отметить отсутствие конкуренции, борьбы на местных выборах. Агитация, политическая реклама, PR практически не использовались, что повлекло за собой негативные последствия. Так, не устанавливалась первичная связь населения с кандидатами, что во многом способствовало «генерации предубеждения» относительно как процедуры выборов, так и впоследствии дееспособности депутатов. Опрос показал, что большинство респондентов оценивает

муниципальные выборы как маловажное событие: с одной стороны, отмечая «нечестность» выборных процедур, с другой – «бездейственность, пассивность депутатов, которых нет смысла избирать». Оговорюсь, что выборка социологического исследования 2013 г. составила 100 жителей Сосновского района, разделенных на три возрастные группы: «18-35» (28 %), «36-65» (52 %), «66 и выше» (19 %). В данном случае берется усредненное значение (позиции возрастных групп практически близки). Одновременно было выявлено то, что большинство опрошенных не знает муниципальных депутатов. В подтверждение отрицательного влияния «агитационного вакуума» отметим, что на вопрос о том, как должны формироваться местные властные структуры, респонденты указывали: «через выборы».

Наиболее интересные, на наш взгляд, данные были получены при изучении восприятия взаимодействия местных институтов власти и населения, а также МСУ жителями района. Выборка социологического исследования 2015 г. составила 160 жителей Сосновского района, разделенных на три возрастные группы: «18-35» (28 %); «36-65» (52 %); «66 и выше» (19 %). Здесь остановимся несколько подробнее. Группа «18-35» отмечает минимальные контакты с муниципальными властными структурами (например, никто из опрошенных не обращается к местным депутатам; на сходах присутствует 1,5 % молодых людей). При одновременной заинтересованности в жизни района (по замечкам респондентов) уровень участия в местных общественно-политических процессах низок. Изменить ситуацию позволило бы «установление диалога между местной властью и народом» (33 %). Большинство считает необходимым возрастание активного участия региональной власти в районных делах, причем это не должно сводиться к «подаче приказов сверху». В МСУ никто из данной группы участие не принимает. Местное самоуправление как институт остается не понятым населением, вследствие чего 20 % отмечают, что первый раз о нем слышат. Муниципальная власть обычно ассоциируется с администрацией. Основное предназначение местных властных структур молодежь видит в благоустройстве района и работе с обращениями граждан. 39,1 % молодых людей отметило, что, скорее всего,

у них нет возможности влиять на деятельность местных властных структур. Самыми непопулярными среди населения оказались депутаты района и сельсовета, глава района. Местный депутат был отмечен как номинальное лицо. Опрашиваемые высказались о необходимости введения императивного мандата депутата.

Две следующие группы значительно не отличились формами взаимодействия с местной властью и восприятием МСУ в целом. Поэтому здесь мы отметим лишь отклонения от предыдущей группы. С одной стороны, респонденты группы «36-65» более активно фактически принимают участие в местном самоуправлении (например, на сходах присутствуют 23,5 %, в общем в местном самоуправлении – 8,2 %; присутствует обращение в местные властные структуры). С другой стороны, здесь отмечается и самый высокий процент ответивших, что о МСУ первый раз слышат – 31,8 %. Несколько иные приоритеты у данной возрастной группы: так, повысить участие в общественно-политической жизни района могло бы улучшение материального благополучия и лишь на втором месте установление диалога с местной властью. Самые непопулярные у данной группы депутаты сельского и районного уровней: они есть номинальное лицо. Группа «66 и выше» выделилась наиболее высоким процентом участия в МСУ – 16,7 %. Здесь же было зафиксировано обращение к местным депутатам (12,5 %). У данных респондентов иное отношение к возможности повышения уровня участия в жизни района – улучшение материального благополучия и повышение информированности.

Очевидно, что приведенные результаты не соответствуют идеи МСУ: главенствующая роль представительного органа власти на практике сменяется отсутствием такой роли; МСУ как «власть народа» заменяется «властью без народа», в основном сводится к деятельности муниципальной администрации; провозглашение муниципальной власти как «не входящей в вертикаль государственной власти» встречает сопротивление в стремлении населения видеть большую активность региональной власти в районе.

Помимо взаимодействия населения и муниципальных структур, немаловажным остается характер отношений между

самими органами власти. Здесь не идет речь о характеристике применяемых моделей МСУ. Скорее предпринимается попытка охарактеризовать «правила игры», по которым негласно функционируют исполнительные и представительные органы локальной власти. Отметим, что в Европейской Хартии местного самоуправления (ратифицированной в России) признается главенствующая роль представительного органа власти, в то время как остальные структуры имеют вспомогательный характер. Однако население сводит практически на нет статус представительных властных структур. Интервью с локальной элитой показало, что, несмотря на то, что она видит уравновешенность позиций двух ветвей власти, одновременно наибольшие возможности признаются именно за местной администрацией. По вопросу вхождения муниципальной власти в государственную вертикаль расхождений во мнении субрегиональной элиты не было – однозначно входит: «подчинение должно быть местной власти государственной. Все идет оттуда»; «законодательная власть как-то отдельно, а вот исполнительная с нами тесно связана. Мы и законы дублируем, и исполняем их».

Таким образом, следует вывод, что неформальная сторона институционального дизайна доминирует над формальной, имея вытесняющий, конфликтующий характер – как следствие, потенциальная основа новых реформ. Институциональные преобразования остаются незамеченными, а возмущение населения по вопросам функционирования местной власти ликвидируется путем замены местной элиты. Более того, неэффективность МСУ связывается с конкретными политическими акторами, представленными как «обезличенная масса ничего не делающих чиновников».

Возникает очевидный вопрос: до какого момента будут проходить преобразования в сфере МСУ? Ответ: пока не будет преодолен дисбаланс в институциональном дизайне. Но в каком случае возможно достичь гармоничного состояния? Вариантов два. Первый – формальные практики взаимодействия будут соответствовать неформальным: официально муниципальная власть войдет в состав государственной, представительный орган власти будет упразднен и т.д. Второй – неформальная сто-

рона институционального дизайна будет соответствовать формальной. Но как достичь второго варианта? Конечно, население должно понимать, что есть местное самоуправление, осознавать свои возможности по реализации локальной власти. Для этого следует проводить ликбез по вопросам местного самоуправления еще на школьном уровне, привлекать молодых людей к участию в МСУ и т.п. Наиболее важно здесь повышать престиж депутатской деятельности. Кроме того, следует развивать общественное самосознание, направленное на преодоление «гипериндивидуализма», «культы прибыли». Одновременно и властные структуры должны вести диалог с населением, понимать, что народу нужны не абстрактные структуры, которыми легко апеллировать в предвыборных речах, а реально эффективно организованное управление на местах. Первый вариант проще, второй – сложнее. По какому варианту проходят реформы? Очевидно, по первому. Какой из вариантов эффективнее? На наш взгляд, это тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрушина Е.В. Местное самоуправление в современной России: драматизм становления // *Власть*. 2006. № 1. С. 19-25.
2. Гельман В.Я. От местного самоуправления – к вертикали власти // *Pro et Contra*. 2007. № 1. С. 6-18.
3. Крупнина Е.А. Местное самоуправление современной России в контексте политического реформирования 1993-2009 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Тамбов, 2010.
4. Кынев А. Муниципальные выборы по новым правилам // *Pro et Contra*. 2007. № 1. С. 30-42.
5. Мерсиянова И.В. Муниципальная реформа в России: продолжение, стагнация или финал? // *Власть*. 2005. № 12. С. 9-29.
6. Чанов С.Е. Местное самоуправление: 2014 год – реформа четвертая? // *Актуальные вопросы публичного права*. Омск, 2014. № 3. С. 114-127.
7. Витковская Т.Б., Подвинцев О.Б. Институциональный дизайн и модели власти как факторы успеха инкубентов на выборах глав МСУ (по материалам Пермского края, Кировской и Свердловской области) // *Вестник Пермского университета*. Сер.: Политология. Пермь, 2014. № 1. С. 22-39.

8. Чирикова А.Е. Модели взаимодействия органов власти на местном уровне: давление, манипулирование, торг? // Вестник Института социологии. 2014. № 9. С. 81-100.
9. Хельмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 10. С. 188-211.
10. Сельцер Д.Г. Прорабы и конструкции: локальные элиты и муниципальная власть в России // PRO NUNC. Современные политические процессы. № 1(13): Вновь об элитах. Тамбов, 2014. С. 86-96.
11. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 88-105.
12. Ledyayev V., Chirickova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power (Routledge (USA): Taylor & Francis Group). 2014. Vol. 7. № 2. P. 211-231.
13. Сельцер Д.Г. Малые города современной России: трансформация локальных элит // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 187. С. 89-99.
14. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Коалиции исполнительной и представительной власти в малых городах России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Политические науки и право. Тамбов, 2015. Вып. 2. С. 5-15.
15. Сельцер Д.Г. «Варяги» в практике локального управления современной России // PRO NUNC. Современные политические процессы. № 1(14): Политическое в региональном. Тамбов, 2015. С. 122-141.
16. Миронов Н. Местное самоуправление: новая модель (специальный доклад) // ЭКПЕРТ-ONLINE. 2014. № 16. URL: <http://expert.ru/expert/2014/16/mestnoe-samoupravlenie-novaya-model/>

IMBALANCE INSTITUTIONAL DESIGN AS A PLEDGE OF PERMANENCE OF THE MUNICIPAL REFORM

Smykova Olga Alexandrovna, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, First-Year Candidate for a Master's Degree Studying «Political Science», e-mail: olga.smykova.2013@mail.ru

The article provides an analysis of the causes of the ongoing reform of local self-government in terms of neo-institutionalism. The author relies on the reasoning in the actual material obtained in the study of local government and municipal authorities in the Sosnovsky district of Tambov region.

Keywords: reform of local self-government, institutional design, neo-institutionalism, formal and informal institutions.

ДИНАМИЧНАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА ВЛАСТИ ОТ Б.Н. ЕЛЬЦИНА К В.В. ПУТИНУ¹

СЕЛЬЦЕР Дмитрий Григорьевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, доктор политических наук, профессор,
заместитель ректора – директор Центра исследования
политических трансформаций, профессор кафедры
международных отношений и политологии,
e-mail: seltser@yandex.ru

ХАБАРОВ Илья Александрович

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Тамбов, Россия, кандидат политических наук, доцент,
e-mail: hia68@mail.ru

В статье анализируется динамика трансформации локальных политических режимов России на этапе перехода власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину. Авторы используют просопографический метод. Статья написана на материалах исследования группы регионов европейской части России.

Ключевые слова: политический режим, политическая элита, власть, регионы России, изучение элит, просопографический метод, политический транзит.

Постановка проблемы

Выявив сменяемость глав (в разных случаях – глав администраций, глав муниципальных образований, глав местного самоуправления) субрегионов (городов и районов) семи регионов РФ (Рязанской, Самарской, Тамбовской, Ульяновской областей, республик Мордовия, Удмуртия и Чувашия), мы изучили их просопографические характеристики и политический контекст

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ № 14-33-01017 «Власть партии versus «партия власти»? Сравнительное исследование кадровой политики, механизмов, каналов и «лифтов» элитного рекрутинга, управленческих кадров послевоенного СССР (1946-1991 гг.) и постсоветской России (1991-2016 гг.)» (руководитель – Д.Г. Сельцер).

элитозамещения. Полные результаты эмпирического исследования обобщены нами [1-5]. Есть похожие исследования на материалах других регионов России [6-10]. В рамках настоящей статьи рассмотрим, как менялся персональный состав первых лиц городов и районов российских регионов. Нас более всего интересовали две научные проблемы. Во-первых, какова преемственность руководителей субрегионов? Каковы объемы и уровни элитистского обновления? Во-вторых, кто новички? За счет кого происходило в постсоветской России обновление корпуса субрегионального руководства? Сколь они связаны номенклатурным прошлым? Каковы этапы их политической социализации? Кто адресат их персональной ответственности, если брать не только формальное и в какой-то мере банальное политически «источник власти – народ»? Ответы на эти вопросы интересны тем, что позволяют говорить о преемственности или, напротив, сломе порядка элитостроения и элитозамещения на этапе перехода власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину.

Общее

Итак, обратимся к рисунку 1, где:

- позиция А – это первые секретари ГК и РК КПСС;
- позиция Б – «назначенцы» 1991-1992 гг.;
- позиция В – победители выборов первого электорального цикла (1994-1996 гг.);
- позиция Г – победители выборов второго электорального цикла (1998-2001 гг.);
- позиция Д – победители выборов третьего электорального цикла (2002-2005 гг.).

Какие выводы можно сделать?

Падает представительство первых секретарей ГК и РК КПСС (номенклатура КПСС); в таблице – позиция А: 16,6, 13,6, 11,1, 6,0 %. До событий 1991 г. у них были условные 94,0 % (187 горкомов и райкомов в 199 субрегионах). К этому стоит добавить, что всего в 1985-1991 гг. в наших регионах в креслах первых секретарей ГК и РК КПСС побывали 475 человек. На настоящий момент, по завершению третьего электорального цикла, города и районы возглавляют лишь 12 первых секретарей.

Рис. 1. В сумме

Уверенно исчезают и назначенцы «ельцинской поры» (советская номенклатура; доминирование в позиции Б), еще совсем недавно составляющие до четверти корпуса глав администраций: 83,4, 38,2, 25,6 и 10,6 %. Пик их активизма пришелся на 1990-е гг. Их представительство немногим больше первых секретарей – всего 21 человек.

Партийная и советская номенклатура (А+Б) с 16,6 % (6,0 + 10,6 %) еще сохраняется в субрегиональном руководстве, но тенденция к ее уходу налицо.

Катастрофически «вымываются» из органов субрегионального управления и победители выборов первого электорального цикла (В): 48,2, 20,6, 9,5 %. Это даже хуже (сейчас – 19 человек), чем ситуация с назначенцами Ельцина. Объяснение достаточно просто: это были победители выборов, ведшихся в рамках традиционной парадигмы «коммунисты – демократы». Со скоротечным исчезновением основы конфликта ушли и победители выборов. На наш взгляд, это были во многом случайные люди у руля субрегионального руководства. Это уже не была партийная и советская номенклатура, но среди них еще не доминировали и хозяйственники.

Попытка победителей выборов рубежа 1990-2000 гг. (Г) отстоять позиции завершилась неудачей: 42,7, 21,1 %. Межклановые противоборства вели к сменяемости субрегиональных руководителей. Кроме того, даже в границах одного клана ротация кадров – вполне заурядное явление.

Старт «новичков» (Д) вроде бы впечатляющ – 51,3 %, но он не намного лучше старта двух предыдущих когорт и значительно хуже старта когорты Б.

Итак, обновление руководителей органов местного самоуправления в результате *выборов* всякий раз составляло около 50 % (назначение Б – 83,4, выборы В – 48,2, Г – 42,7 и Д – 51,3 %).

На наш взгляд, важно понять, во-первых, как соотносятся со сделанным обобщением «частные случаи» и, во-вторых, кто остальные. За счет кого вот уже в третий раз радикально обновляется руководящий состав органов местного самоуправления? Кому удастся завоевывать, оберегать и сохранять лидирующие позиции?

«Частные случаи»

Рязанская область. Номенклатура КПСС (А) «обвалилась» здесь еще в 1991 г. Вместе с тем, ее оставшаяся часть уверенно сохранила власть. Второй цикл даже усилил ее позиции. Впечатляющий старт совработников (Б) сорвался в довольно крутое пике. Новички, победившие во время первого цикла (В), стремительно и полностью сошли с дистанции. Судя по всему, ровно то же ожидает их преемников (Г).

«Рязанский случай» (рис. 2) после элитозамещения 1991 г. характерен плавной, постепенной сменой кадров в первых циклах (цикл 1 – 34,5, цикл 2 – 24,1 %) и приближением к среднестатистическим 48,3 % в цикле 3. Здесь прежнее областное руководство до поры могло обеспечивать победу «своим» из лагеря сов- и партноменклатуры. Смена же первого лица области (В.Н. Любимова) и его команды, приход 12 апреля 2004 г. Г.И. Шпака привели к незамедлительной и масштабной замене руководителей органов местного самоуправления (14 новичков).

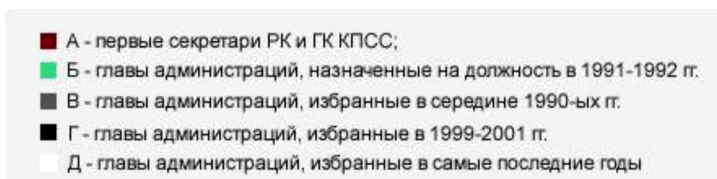

Рис. 2. Рязанская область

Самарская область. Здесь мощно стартовали первые секретари (28,6 %) и председатели исполкомов. Правда, надо заметить, что в Самарской области в 1990 г. первыми секретарями стали в основном успешные и молодые тогда хозяйственные работники. Их замена на конкурентных выборах в середине 1990 гг. – все та же хозяйственная элита. Начиная со второго электорального цикла, побеждает либо она, либо ее креатуры. Третий электоральный цикл стал своеобразной охотой на представителей «засидевшихся» когорт (А и Б).

Вместе с тем, «самарский случай» (рис. 3) – это пример ровной, постепенной элитистской трансформации. Объяснения могут быть связаны и с несменяемостью первого лица региона, а также с тем, что хозяйственники, пришедшие к власти в субрегионах еще в 1990 г., плотно и основательно заняли важные для них кресла глав городов и районов. Возможно, следует считать, что «самарский вариант» – это опережающая другие регионы нашей выборки модель раннего взятия власти бизнес-элитами.

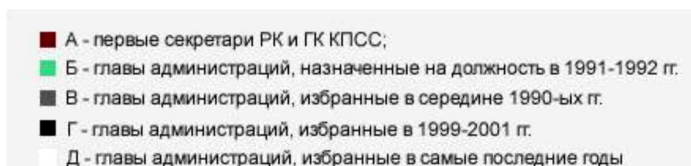
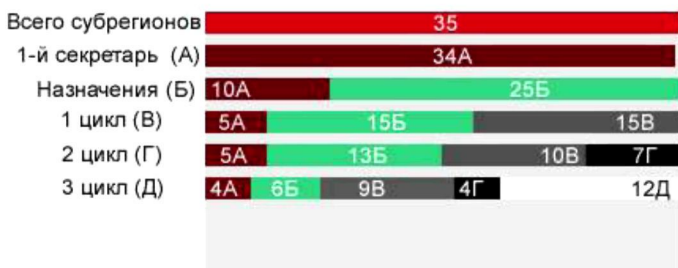

Рис. 3. Самарская область

Тамбовская область. Руководящая партийная элита в субрегионах была молниеносно сметена бурными и стремительными переменами. Первые секретари ГК и РК КПСС потеряли позиции сразу. В позиции Б в 12 случаях главами администраций в 1991 г. оказались председатели райисполкомов, в 6 – многолетние и успешные руководители крупных хозяйств, в 4 – бывшие первые секретари (двое из них – председатели местных Советов), в 4 – демократы-гуманитарии, в 3 – первые заместители председателей райисполкомов, в 1 – председатель районного Совета. Партийная номенклатура крупно проиграла советской.

Тамбовская политика (рис. 4) развивалась до середины 1990 гг. как ожесточенная, романтическая, ведшаяся в парадигме «коммунисты – демократы» в крайней степени идейного и организационного размежевания. Вместе с тем, при всех областных руководителях «кадровый разворот» был очевиден – курс на производственников у руля субрегиональной политики. Этап идейно-романтического противостояния по линии коммунисты – демократы был завершен. Победители выборов 1995-1996 гг. в большинстве своем оказались хозяйственной элитой.

Рис. 4. Тамбовская область

С приближением выборов 1999-2001 гг. политика превращается в местную вариацию межкланового противоборства. Клан Рябова проиграл мощно набравшему силу клану О.И. Бетина, избранному в 1999 и 2003 гг. губернатором. Финал – селекция, консолидация и оформление сильнейшего регионального клана. В городах и районах к власти пришли местные кланы – неформальные хозяева субрегионов.

Такое развитие стремительно обновляло кадры (1985 – назначения 1991 гг. – 85 %, 1991 – выборы 1995/1996 гг. – 70 %, 1995/1996 – выборы 1999/2001 гг. – 60 %, выборы 2003/2004 гг. – 50 %), особенно – во время романтического периода развития «тамбовской политики» первой половины 1990-х гг.

Ульяновская область. «Красная» Ульяновская область (рис. 5) во главе с партократом (по свидетельству аналитиков, скорее прагматиком) Ю.Ф. Горячевым стартовала в стиле Самарской. Назначения 1991-1992 гг.: 10 председателей исполкомов Советов, 7 – бывшие первые секретари, 3 – руководители хозяйств, 2 – председатели Советов, по одному – заместитель председателя горисполкома и заведующий РОНО. Здесь серьезного успеха добились первые секретари.

Рис. 5. Ульяновская область

Отличие от Самарской области – в их персональном составе. Еще в советское время там произошла мощная ротация секретарей РК и ГК. В Ульяновской же победили «ортодоксы». В Самарской области «позднегогорбачевцы» смогли какое-то время держаться у власти. В Ульяновской их уход был предопределен; и это несмотря на то, что область на федеральных выборах голосовала за КПРФ. Ровно то же было и в Тамбовской области с середины 1990-х гг.

Республика Мордовия. «Демократическая» Мордовия (рис. 6), в бытность губернатора В.Д. Гуслинникова, являет собой пример раннего элитозамещения. Среди назначенцев губернатора были два первых секретаря ГК и РК КПСС, 12 председателей исполкомов Советов. К руководству субрегионами пришли 11 новичков. Первый избирательный цикл буквально смел «назначенцев» – из 23 победили только 5 (политическая выживаемость – 22 %). Последний выборный цикл дал высокий процент новичков – 65 %. Правда не столь высокий, как в Удмуртии.

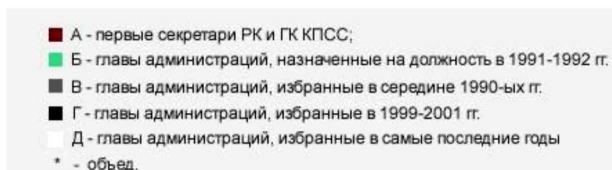
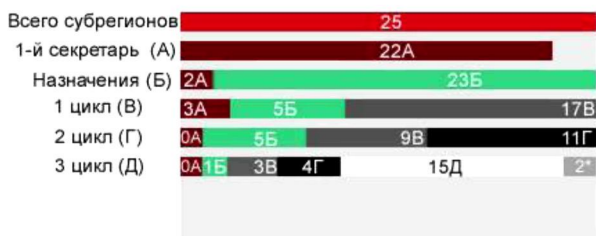

Рис. 6. Республика Мордовия

Республика Удмуртия. Здесь промышленники нанесли сокрушительный удар по партаппаратчикам еще в 1990 г. при выборах председателей местных Советов. Отбрасывая схожие черты, заметим, что в Удмуртии (рис. 7) наивысшая сменяемость кадров при переходе от позиций Г к Д, 21 новичок из 30 возможных (70 %) – это очень много. Здесь у власти давно и прочно закрепились хозяйственная элита.

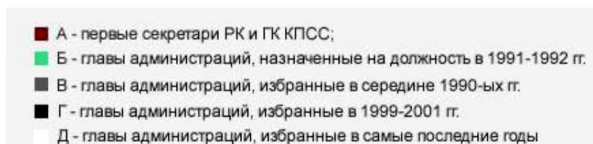
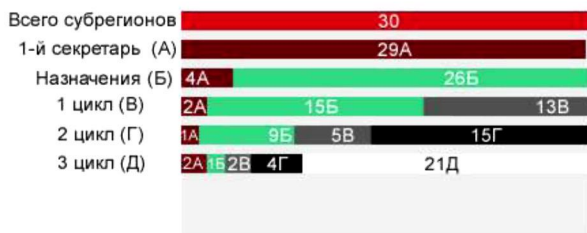

Рис. 7. Республика Удмуртия

Республика Чувашия. «Чувашский случай» (рис. 8) интересен тем, что там, как и в Мордовии, номенклатура КПСС утратила позиции сразу. Но, в отличие от Мордовии, ее некоторая часть вернулась на административно-политическое поле. Победители второго цикла выборов – первые секретари – продержались в своих креслах совсем недолго. Сейчас из пяти победивших остался только один. Таким образом, и здесь Чувашия вписалась в общий «карьерный разворот».

Рис. 8. Республика Чувашия

В остальном республика демонстрирует обычные тенденции. Назначенцы (Б) и победители выборов середины 1990-х гг. (В) несут потери, всякий раз превышающие 50 %. При этом до поры сокращалось количество новичков во власти (25Б, 14В, 11Г). Сменяемость субрегиональных административно-политических элит в начале и первой половине 2000-х гг. составила 69 %. Октябрьский 2005 г. выборный цикл несколько увеличил представительство новичков – 15Д. Новички в подавляющем большинстве своем – хозяйственники. Кстати, Президент Чувашии Н.В. Федоров, избравшийся президентом в 1993, 1997 и 2001 гг., – некогда один из лидеров демократического движения России, в свое время министр юстиции, наиболее жесткий сторонник линии на огосударствление местного самоуправления в России, не единожды предпринимавший в этой связи вполне конкретные усилия.

И вновь общее

Высокий уровень сменяемости связан с изменением конструкции власти в стране, регионах и субрегионах, общеполитической ситуацией на каждом властном уровне. Чтобы понять, в какой логике трансформировался властный конструкт, ответим на вопрос: «Кто доминировал в каждой из позиций?». При известных «натяжках» ответы могут быть таковы:

1. В позиции Б («ранние» ельцинцы) – советская номенклатура (средний возраст – 43,7).

2. В позиции В («поздние» ельцинцы) – хозяйственная номенклатура советских времен (45,8).

3. В позиции Г («ранние» путинцы) – «вненоменклатурные» хозяйственники (в советское время – агрономы, инженеры и ниже в иерархии; 49,2).

4. В позиции Д («поздние» путинцы) – «вненоменклатурные» хозяйственники и менеджеры (50,2).

При переходе от А к Б советская номенклатура одержала победу над номенклатурой КПСС.

При переходе от Б к В хозяйственная номенклатура советских времен одержала победу над советской.

При переходе от В к Д хозяйственники, не имеющие номенклатурных корней, победили некогда первый эшелон хозяйственных номенклатурщиков. Это совпало по времени с трансформацией от постноменклатурной сетевой организации к клановой системе.

При переходе от Д к Г укрепившаяся клановая организация либо сохранила у власти своих лидеров, либо стала нанимать управленческих менеджеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры: научная монография. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. 592 с.
2. Crosston M., Seltser D. Mutating Power: Tracking the Changes in Authority of the Sub-Regional Communist Party Nomenclature During Late-stage Soviet and Post-Soviet Socialism (1985-2005) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Тамбов, 2005. Т. 11. № 2Б. С. 578-589.

3. Crosston M., Seltser D. Washing Away Power: Local CPSU Nomenclature during the Late and Post-Soviet Period (1985-2015) // PRO NUNC. Современные политические процессы. № 1 (14): Политическое в региональном. Тамбов, 2015. С. 24-38.
4. Сельцер Д.Г. «Варяги» в практике локального управления современной России // PRO NUNC. Современные политические процессы. № 1 (14): Политическое в региональном. Тамбов, 2015. С. 163-186.
5. Crosston M., Seltser D. The Cascade Effect: Local Power from Old Soviets to New Russians (1985-2015) // The Caspian Project. 2015. № 16. Hard, Soft, Smart: The power issue. P. 43-54. URL: <http://issuu.com/ndiplomacy/docs/caspianproject16/55?e=15577848/30935396>
6. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Издатель Соловьев А.В., 2004.
7. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 88-105.
8. Ledyayev V., Chirickova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power (Routledge (USA): Taylor & Francis Group). 2014. Vol. 7. № 2. P. 211-231.
9. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991-2001 / Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. СПб.: Европейский университет в С.-Петербурге, 2002.
10. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006 / Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. СПб.: Норма, 2008.

DYNAMIC MODEL OF TRANSFORMATION OF THE LOCAL POLICY ELITE AT THE STAGE OF POWER TRANSITION FROM B.N. ELTSIN TO V.V. PUTIN

Seltser Dmitry Grigorievich, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, Doctor of Political Science, Professor, Vice Chancellor – Head of the Centre for the Study of Political Transformation, Professor of the Department of International Relations and Political Science, e-mail: seltser@yandex.ru

Khabarov Ilya Aleksandrovich, Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russia, Candidate of Political Science, Assistant Professor, e-mail: hia68@mail.ru

The article contains the analysis of transformation of the local political regimes in Russia at the stage of power transition from B.N. Eltsin to V.V. Putin. Authors use prosopographic method. The article is based on the materials of research of some regions of the European part of Russia.

Key words: political regime, policy elite, power, regions of Russia, study of elite, prosopographic method, political transit.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РАЙОННО-ГОРОДСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА ВЛАСТИ ОТ Б.Н. ЕЛЬЦИНА К В.В. ПУТИНУ¹

СЕЛЬЦЕР Дмитрий Григорьевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, доктор политических наук, профессор,
заместитель ректора – директор Центра исследования
политических трансформаций, профессор кафедры
международных отношений и политологии,
e-mail: seltser@yandex.ru

ХАБАРОВ Илья Александрович

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Тамбов, Россия, кандидат политических наук, доцент,
e-mail: hia68@mail.ru

Авторы пытаются ответить на вопрос, кто принимает ключевые политические решения в России. Авторы соотносят российскую исследовательскую практику ответа на этот вопрос с зарубежными классическими трудами по политической элитологии. Анализируется этап президентства Б.Н. Ельцина и изменение ситуации после прихода к власти президента В.В. Путина.

Ключевые слова: локальные политические режимы, элиты, выборы, политическая элитология.

Постановка проблемы

Ответ на ключевой вопрос политической элитологии «Кто управляет?» в разное время прямо задавался зарубежными [1, 2] и отечественными [3-9] авторами. Наиболее качественные эмпирические исследования выполнены на Западе на материалах городских общностей. По мнению Ф. Хантера, городская общность является первостепенным центром распределения власти среди

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ № 14-33-01017 «Власть партии versus «партия власти»? Сравнительное исследование кадровой политики, механизмов, каналов и «лифтов» элитного рекрутинга, управленческих кадров послевоенного СССР (1946-1991 гг.) и постсоветской России (1991-2016 гг.)» (руководитель – Д.Г. Сельцер).

людей [10: 2]. Известно также, что политическая элита меняется в процессе насыщенных и сложных по драматургии выборов.

Кто управляет? Зарубежные исследовательские практики

Главный вывод Хантера заключался в том, что все основные проблемы в Атланте решались небольшой группой людей, в которой доминировали представители крупного бизнеса. Р. Даль, проведя исследование в Нью-Хэйвене, ответил на поставленный вопрос иначе: политики [1: 163-164]. У. Домхофф написал книгу с претенциозным названием «Кто на самом деле правит?», «перепроверив» Дала в Нью-Хэйвене [2], и пришел к выводу о недооценке Далем роли бизнес-элиты. В предисловии ко второму изданию книги «Политика и экономическое благосостояние» (в соавторстве с Ч. Линдблом) с этим согласился и Даль [11: 318]. Итак, классические исследования распределения власти в городе США ответили на ключевой вопрос так: бизнес-элиты.

Пропоненты возникшей позже теории «структурной власти бизнеса» – Ф. Блок, Ч. Линдблом, К. Оффе и Ф. Ронге, Н. Пуланзас – говорили о том же: государственная элита находится в объективной зависимости от господствующих в экономике бизнесменов. Квинтэссенцией теории, на наш взгляд, может служить название одной из статей Ф. Блока «Правящий класс не правит...» [12].

Во второй половине 1980-х гг. возникли теории «машин роста» (Х. Молотч и Дж. Логан [13]) и «городских режимов» (С. Элкин [14], К. Стоун [15, 16]). И они признали бизнес доминирующим политическим актором, объяснив единство элиты наличием объективных экономических интересов.

Кто управляет? Российские исследовательские практики

Зарубежная политическая наука с ее традиционным интересом к изучению районно-городских политических режимов обратилась и к российским субрегионам. Сборники статей «Soviet Local Politics and Government» [17] и «Local Power and Post-Soviet Politics» [18], где соседствовали западные и российские авторы, приобрели известность в научном сообществе. Далее последовало несколько удачных статей на Западе [19-22]. Нако-

нец, с середины 1990-х гг. Славянский исследовательский центр университета Хоккайдо (SRC) предпринял системное и методически единообразное изучение российских регионов/субрегионов [23] с выходом на фундаментальные обобщения [24, 25].

Что касается собственно российской исследовательской практики, то, при всем многообразии подходов и интерпретаций механизмов элитостроения и элитозамещения в позднесоветской и постсоветской России, осмысленного погружения ниже уровня региона долгое время не было. Исследование «московского случая» элитистской трансформации было скорее исключением [26]. Ситуация стала меняться усилиями учредителей и экспертов Международного института гуманитарно-политических исследований [27-28]. Были реализованы проекты «Россия регионов: трансформация политических режимов» [29], «Политическая регионалистика: учебные материалы» [30], «Типология и объяснение региональных политических трансформаций в современной России» [31-33]. Пик анализа субрегиональной политики – монографии «Автономия или контроль?» [34] и «Реформа местной власти в городах России» [35]. Далее последовали тематический выпуск «Муниципальная реформа» журнала «Pro et Contra» [36-40] и «Неприкосновенный запас» [41-47]. Существенные ответы на поставленный вопрос дали и работы В.Г. Ледяева, А.Е. Чириковой и Д.Г. Сельцера [48].

Следует признать, однако, что субрегиональная политика – слабо разработанное место российской политической науки. Причем хуже всего исследована элитологическая составляющая проблемы. Ответ на заглавный вопрос статьи, на наш взгляд, до конца не дан. Мы попытались ответить на его часть, выделив логику трансформации власти и элит на этапе перехода власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину.

Субрегионы России и выборы. Кто управляет?

В постсоветское время состоялись назначения глав администраций городов и районов в 1991 г. и три электоральных цикла. В анализе их итогов – ответ на заданный вопрос в рамках позиционного метода. В ходе назначений 1991 г. во главе субрегионов оказались 1-е секретари ГК/РК КПСС – 16,6 %, 2-е секре-

тари – 1,0%, председатели/заместители председателей Советов – 4,0 %, председатели/заместители председателей исполкома Совета – 54,8 %, директорат – 17,6 %, другие – 6,0 % (приведены данные нашего исследования, проведенного по 7 регионам России – Рязанской, Самарской, Ульяновской, Тамбовской областям, республикам Мордовия, Удмуртия и Чувашия). Таким образом, доминировала советская номенклатура – около 60 % глав администраций.

Во время первого электорального цикла (1994-1996 гг.) выборы были эмоциональными, яростными, идейными, шедшими в варианте традиционной парадигмы «коммунисты – демократы». Главами администраций смогли стать 13,6 % бывших первых секретарей, 38,2 % – советская номенклатура и 48,2 % – хозяйственная номенклатура. Происходила не просто перегруппировка сил, а принципиальный слом всех политических представлений. Население голосовало за КПРФ и ее ставленников (бывших совработников и действующих хозяйственников), но отказывало в доверии номенклатуре КПСС.

В ходе второго электорального цикла (1998-2001 гг.) консолидируется, сбивается в крепкие кланы прагматичная элита, тяготившаяся ситуацией имманентного конфликта, биполярного тупикового политического противостояния. Личные, союзнические отношения стали мощным политическим фактором. В этих условиях представительство первых секретарей в креслах глав администраций сократилось до 11,1 %. Стало понятно, что вернуться во власть они не смогут. Советская номенклатура также несколько утратила позиции (25,6 %), но еще больше сократила представительство в корпусе глав администраций хозяйственная номенклатура советской поры (20,6 %). Триумфаторами выборов стали вноменклатурные хозяйственники (стремительно разбогатевшие агрономы, бригадиры, военнослужащие, милиционеры и т.п.; 42,7 %).

Начало президентства В.В. Путина было ознаменовано стартом в 2000 г. «вертикализующей» административной реформы – мощными ударами Центра по регионализму. В этой политической ситуации третий электоральный цикл (2002-2005 гг.) сократил представительство номенклатуры КПСС сре-

ди глав администраций до 6,0 %; 10,6 % – у советской номенклатуры, 9,5 % – у хозяйственной номенклатуры советских времен. Вне номенклатурные хозяйственники усилили представительство до 72,4 %. Оговоримся, что в нередких случаях они через выборы приводили на должность главы полностью подконтрольных муниципальных менеджеров.

Выводы

Каковы результаты элитистского транзита в постсоветской России? Мощная позднеельцинская тенденция: слияние политической и экономической элит, формирование на региональном уровне политико-финансовых конгломератов, претендующих на роль доминирующих акторов региональной политики и экономики. Ныне у власти в субрегионах – постноменклатурные кланы, отправляющие во власть «своих» – руководителей хозяйств в подавляющем большинстве. Оттого в постсоветской России такая высокая сменяемость глав городов и районов (в каждом электоральном цикле – около 50 %). Теперь потеря статуса главы района вовсе не означает «политическую смерть» и не рассматривается как трагедия. Муниципальная служба – это чаще всего поручение сообщества.

Итак, наш ответ на вопрос «Кто управляет?» таков: позиционно – представители бизнес-элиты и нанятые ими менеджеры, сущностно – местные кланы. И что? Диссонирует ли российский опыт с зарубежной практикой? Мы бы ответили так: и нет, и да. Нет, потому что кланы – не только российский феномен. Бизнес-элиты на Западе в городских общностях контролируют распределение власти. Да, потому что там механизм воздействия общества на процесс отправления власти несопоставимо более выражен. Это не только и не столько выборная проблема. Это проблема традиции и уровня демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven; London: Yale University Press, 1961.
2. Domhoff G.W. Who Really Rules: New Haven and Community Power Re-Examined. New Brunswick, NJ: Transaction, 1978.

3. Gaman-Golutvina O. Russian society and elites in 1989-2009: transformation results and future perspectives // *Historical Social Research*. 2010. Т. 35. № 2. P. 41-53.
4. Gaman-Golutvina O. Changes in elite patterns // *Europe-Asia Studies*. 2008. Т. 60. № 6. P. 1033-1050.
5. Самые влиятельные люди России / науч. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: ИСАНТ, 2004.
6. Фадин А., Бунин И., Марков Ю., Салмин А. Кто правил – и кто будет править в СССР. Борьба элит в переходном обществе: номенклатура и демократия // *Век XX и мир*. 1991. № 5. С. 30-37.
7. Шерстнев М.П. Кто правит нами. М.: Ира-пресс, 2000.
8. Ледаев В.Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля // *Социологический журнал*. 2002. № 3. С. 31-68.
9. Ledyayev V., Chirickova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // *Journal of Political Power (Routledge (USA): Taylor & Francis Group)*. 2014. Vol. 7. № 2. P. 211-231.
10. Hunter F. *Community Power Structure. A Study of Decision-makers*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.
11. Dahl R.A., Lindblom C.E. *Politics and Economic Welfare*. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
12. Bloc F. The Ruling Class Does not Rule: Notes on the Marxist Theory of the State // *The State: Critical Concepts / ed. by J.A. Hall*. London; New York: Routledge, 1993. Vol. 1. P. 130-146.
13. Logan J., Molotch H. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkley: University of California Press, 1987.
14. Elkin S.L. *City and Regime in the American Republic*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
15. Stone C. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
16. Stone C. Preemptive Power: Floyd Hunter's «Community Power Structure» reconsidered // *American Journal of Political Science*. 1988. Vol. 32. № 1. P. 82-104.
17. *Soviet Local Politics and Government / ed. by E.M. Jacobs*. London: George Allen & Unwin, 1983.
18. *Local Power and Post-Soviet Politics / ed. by T.H. Friedgut, J.W. Hahn*. Armonk; New York; London: M.E. Sharpe, 1994.
19. Kirkow P. Regional Warlordism in Russia: The Case of Primorskii Krai // *Europe-Asia Studies*. 1995. Vol. 47. № 6. P. 923-947.
20. Melvin N.J. Consolidation of a New Regional Elite: The Case of Omsk. 1987-1995 // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50. № 4. P. 619-650.

21. Raleigh D.J. Beyond Moscow and St. Petersburg: Some Reflection on the August Revolution, Provincial Russia and Novostroika // The South Atlantic Quarterly. 1992. № 3. P. 603-619.
22. Lankina T. Local Government and Ethnic and Social Activism in Russia // Contemporary Russian Politics / ed. by A. Brown. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 398-411.
23. Регионы России: хроника и руководители / под общ. ред. К. Мацузато. Саппоро: SRC, Hokkaido University, 1997-2003. Т. 1-8.
24. Третье звено государственного строительства России: Подготовка и реализация Федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (Occasional Papers on Changes in the Slavic Eurasian World № 37) / под ред. К. Мацузато. Саппоро: SRC, Hokkaido University, 1998.
25. Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World: Towards a Discipline or «Regionology» / ed. by K. Matsuzato. Sapporo: SRC, Hokkaido University, 2000.
26. Коваль Т.Б. Кто вы теперь, последние первые – первые или последние? (по материалам опроса бывших первых секретарей райкомов КПСС г. Москвы) // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 56-107.
27. Главное в регионах России / под ред. О. Сенатовой, А. Якурина. М.: ИГПИ, 1996.
28. Очерки российской политики: Исследования и наблюдения 1993-1994 гг. / под ред. В.Я. Гельмана. М.: ИГПИ, 1994.
29. Россия регионов: трансформация политических режимов / под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир; Берлин: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2000.
30. Выборы и партии в регионах России / под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой, С. Рыженкова. М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад, 2000.
31. Политика и экономика в региональном измерении / под ред. В. Климанова, Н. Зубаревич. М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад, 2000.
32. Центр – Регионы – Местное самоуправление / под ред. Г.М. Люхтерхандт-Михалевой, С.И. Рыженкова. М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад, 2001.
33. Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 142-155.

34. Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991-2001. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.
35. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. СПб.: Норма, 2008.
36. Гельман В. От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 6-18.
37. Макаркин А. Мэры: борьба за независимость // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 19-29.
38. Кынев А. Муниципальные выборы по новым правилам // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 30-42.
39. Смирнягин Л. Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 56-71.
40. Пузанов А., Рагозина Л. Отчуждение местной власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 72-84.
41. Ледаев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
42. Гельман В., Рыженков С. Локальные режимы в крупных городах России: введение в тему // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
43. Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
44. Рыженков С. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
45. Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
46. Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
47. Борисова Н. Пермь: локальный режим в крупном российском городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
48. Чирикова А.Е., Ледаев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 88-105.

POSTSOVIET TRANSFORMATION OF CITY DISTRICT POLITICAL REGIMES AT THE STAGE OF POWER TRANSITION FROM B.N. ELTSIN TO V.V. PUTIN

Seltser Dmitry Grigorievich, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, Doctor of Political Science, Professor, Vice Chancellor – Head of the Centre for the Study of Political Transformation, Professor of the Department of International Relations and Political Science, e-mail: seltser@yandex.ru

Khabarov Ilya Aleksandrovich, Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russia, Candidate of Political Science, Assistant Professor, e-mail: hia68@mail.ru

Authors try to answer the question, who makes key political decisions in Russia. They correlate Russian research practice of the answer with foreign classical works on political elitology. Authors analyze the stage of presidency of B.N. Eltsin and change of situation after V.V. Putin ascended to power.

Key words: local political regimes, elite, election, political elitology.

Все выпуски
«PRO NUNC. Современные политические процессы»

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 1: Россия между думскими и президентскими выборами (декабрь 2003 – март 2004 гг.) / науч. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 53 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 2: Политические партии и выборы в российских регионах / редкол.: В.М. Юрьев (пред.), В.Ф. Пеньков, С.В. Самгин, Д.Г. Сельцер (отв. ред.); Админ. Тамб. обл., Тамб. обл. Дума, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Ин-т истории и политологии, Тамб. обл. избир. комиссия, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 212 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 3: Принципы и перспективы формирования власти в современной России / редкол.: В.Ф. Пеньков, А.А. Сазонов, Д.Г. Сельцер. Тамбов: Юлис, 2005. 171 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 4: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / редкол.: Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, А.А. Сазонов (пред.), Д.Г. Сельцер; Админ. Тамб. обл., Тамб. обл. дума, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тамб. обл. избир. комиссия, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Юлис, 2006. 265 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 5: Диалоги о политике: материалы российско-американских студенческих семинаров по политологии и международным отношениям (ТГУ им. Г.Р. Державина, РФ – Клемсонский университет, США), г. Тамбов, 2005-2006 гг. / редкол.: М.Д. Кросстон, В.В. Романов, Д.Г. Сельцер; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Клемсонский ун-т. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 179 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 6: Проблемы избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (конкурсные работы студентов тамбовских вузов) / редкол.: Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, А.А. Сазонов, Д.Г. Сельцер; Тамб. обл. избир. комиссия, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Юлис, 2006. 190 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 7: Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков, Д.Г. Сельцер; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избир. комиссия Тамб. обл., Исследовательский комитет РАПН по политической элитологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 254 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 8: Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, Д.Г. Сельцер, В.М. Юрьев; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избир. комиссия Тамб. обл.; Исследовательский комитет РАПН по политической элитологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 399 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 9: Российская политика в региональном измерении / редкол.: Р.Ф. Туровский (пред.), В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, Д.Г. Сельцер, В.М. Юрьев; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избир. комиссия Тамб. области; Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 256 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 10: Актуальные проблемы изучения политики и преподавания политической науки / редкол.: В. И. Коваленко (пред.), В.Ф. Пеньков, В.В. Романов, Д.Г. Сельцер; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Национальная коллегия политологов-преподавателей, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 196 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 11: Российская политика: «первая строка» (сочинения начинающих политологов) / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: О.И. Коврикова, С.В. Кузнецов, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов, А.С. Офицеров; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 174 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 12: Война как продолжение политики (к 100-летию начала Первой мировой войны) / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: О.И. Коврикова, В.В. Миронов (редактор номера), В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 132 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 13: Вновь об элитах / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 14: Политическое в региональном / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 183 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 15: Региональная политика в работах тамбовских политологов / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 183 с.